

— ЛУЧШАЯ ИЗ ЛУЧШИХ —

Дина РОГОВСКАЯ

ЮЖНЫЙ
КРЕСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р59

Серия «Лучшая из лучших»
Выпуск 2

Оформление обложки *Натальи Гурковой*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Р59 Роговская, Дина

Южный крест: роман / Дина Роговская. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 384 с. (Лучшая из лучших).

ISBN 978-5-17-102329-4

Эпоха активного освоения космоса, когда галактические полеты уже позади, а впереди бесконечность Вселенной. Солнечная система освоена, и те, у кого есть возможность, отправляются в рискованные экспедиции на поиски новых миров и ресурсов. Столкновения кланов, бои в космосе, пираты, контрабандисты и тайные агенты... Весь этот фантастический мир, сотканный из сложных интриг и авантюры, открывается через восприятие главной героини — Фрэнсис Морган, которая окажется в центре событий по долгу службы и своего социального статуса, зачастую не по доброй воле. У нее свой кодекс чести, иногда шокирующий окружающих, и свои принципы, среди которых: «Челюсть за зуб!» — самый миролюбивый...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102329-4 © Дина Роговская, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ЗЕМЛЯ

Не помню, когда была здесь в последний раз. Наверное, после окончания колледжа. Да, наверное...

Я брела по длинной галерее вдоль стены, на которой висели портреты моих великих предков. Они действительно были великими, они вершили историю. В лунном свете их лица выглядели особенно злоуще. Кого только среди них ни было! Настоящие головорезы, каторжники, «кровавые» генералы, диктаторы, заговорщики, узурпаторы... Сборище социопатов. Один другого страшнее. Последний — мой отец.

При взгляде на его портрет меня обдало привычным холодом. Я его ненавижу и всегда ненавидела.

Я была его проклятием. Я была его единственным законнорожденным ребенком, и я была девочкой. Мою мать он довел от клиники, где она и умерла от нервного и физического истощения. Все бесконечные беременности после меня были неудачны. После ее смерти он женился еще два раза, выбирая себе жен, как племенных кобыл, собирая на них полный медицинский анамнез. Но и тут его постигла неудача — все их беременности заканчивались либо выкидышами, либо преждевременными родами, либо ребенок был мертворожденным. А я была здесь. Перед глазами. Каждый день. И никакая зараза меня не брала. Я знала, что у него от четырех разных женщин было четыре незаконнорожденных сына. Но империю Морганов могла унаследовать только я.

Я стояла и смотрела в его глаза на портрете. Да, вот она, я. Стою здесь. Твоя дочь. И все, что строилось столько веков, теперь в моих руках. Ты заслужил это, папа. Я это все, чего ты оказался достоин.

Я стояла, по привычке заложив руки за спину и расставив ноги на ширину плеч, и смотрела на отца как сержант на рядового. Мне не нужна твоя империя. Я оставляю все на моего дядю. Ты ненавидел его, может быть, даже сильнее меня, хотя вряд ли такое возможно. Ты ненавидел всех из клана моей матери. Я оставляю все на него, но кое-что я заберу. Я не смогла сдержать улыбку. Никогда до этого у меня так не билось сердце! Только когда я впервые оказалась в космосе, но даже тогда я не испытала того восторга, который испытала сегодня, разбывая бумаги в личном сейфе отца.

Сначала я даже не поняла, что это. Но когда до меня дошло... Должна пояснить. Несколько сотен лет назад людям, у которых уже было всё, было модно дарить, не поверите... ЗВЕЗДЫ. Да, да. Были даже специальные сертификаты, которые содержали полную известную на тот момент спецификацию светила. Сейчас я держала в руках сертификат на светило в «Шкатулке бриллиантов», туманности в созвездии Южный Крест. Когда руки перестали дрожать, и я снова смогла соображать, я приняла решение. Я полечу туда.

— Я полечу туда, — сказала я вслух и протянула дяде бумагу.

Тот поднял голову от своей папки. Прочитав документ, он с сомнением посмотрел на меня.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Ты получишь на эту экспедицию столько денег, сколько потребуется.

«Конечно, это же мои деньги», — ухмыльнулась моя худшая половина, лучшая же надеялась на то, что дядя не мечтает отделаться от меня таким образом раз и навсегда.

От своих предков по линии отца я унаследовала почти все их пороки, надеюсь, что почти все, а не их абсолютный набор. Включая цинизм и отчаянный авантюризм, граничащий с безумием. Очень часто я просто чувствовала, как во мне кипит кровь, и меня как магнитом вле-

чет куда-то за горизонт. Поэтому после колледжа я пошла в летную академию. Я не стала салонной дамочкой. Отец был в бешенстве, а я была на седьмом небе, когда вскрыла конверт из академии, где меня извещали о моем зачислении. Летная академия!!! Мечта любого вменяемого подростка в пору галактических полетов, а уж такого невменяемого, как я, и подавно.

Мои предки были не только без меры порочны и жестоки, но и умны. Господь, или кто там мною занимался, когда он отвернулся, дав осечку с моим полом, снабдил меня не только железным здоровьем, но и вместил в меня, возможно, весь интеллектуальный потенциал предыдущих поколений. Благодаря чему у меня получалось все, за что бы я ни бралась. Я выжимала все, что могла из лекторов на теоретических занятиях и доводила инструкторов на практических до белого каления. Вскоре я изучила наш стендовый истребитель, а за ним и шаттл вдоль и поперек до последней платы.

А когда мы перешли от симуляции к настоящим полетам... Я влюбилась в истребитель. Это мощь, скорость... Нет ничего прекрасней мига, когда такая машина отрывается от земли, подчиняясь твоим рукам на штурвале... Это чистый, абсолютный восторг. Я летала, наслаждаясь каждой минутой в небе, оттачивая взлеты и посадки, фигуры высшего пилотажа. Я обожала свой самолет, чутко реагирующий на все мои действия, взмывающая над облаками, и, ослепленная солнцем, я была на вершине мира...

Потом нас пересадили на шаттлы. Помню, как прорававшись сквозь атмосферу, я оказалась в Космосе. Это был восторг в кубе.

Говорят, у новичков в космосе бывают приступы паники, но не у меня. Я хотела лететь дальше. Туда, за солнечную корону. Но со мной был мой инструктор, который знал меня как облупленную и своей преждевременной сединой был обязан именно мне, но именно меня он старался научить всему, что блестяще умел делать сам.

— Курсант Морган, вниз! — жестко скомандовал он.

Я неохотно подчинилась и с тех пор бредила космосом. Наши полеты были похожи на полеты привязанного за лапу голубя — натянутая веревка всегда прерывает его полет и не дает лететь дальше. А я хотела дальше.

И вот у меня в руках этот драгоценный сертификат.

Уже несколько десятков лет владельцы таких вот бумаг летали к своим звездам, как говорится, проверить собственность. Начался новый виток Золотой лихорадки. Кто-то находил какие-то уникальные минералы, кто-то ценную руду. Налаживалась их добыча, благо технологии уже были разработаны и обкатаны. Строились станции.

К этому времени корабли перестали летать линейно. Была создана сеть переходов в гиперпространстве, соединяющих более десятка видимых созвездий. Люди дарили звезды по всему небу. Как это абсурдно, наверное, было тогда, и как был бесценен этот сертификат сейчас!

Но с чего же начать?

— Тебе надо подать заявку в специальный комитет при NASA, — прочитал мои мысли дядя, — такие экспедиции проходят при их обязательном представительстве на борту.

Я кивнула и осознала, что до момента старта у меня еще в лучшем случае полгода. Терпение — это та добродетель, которую я развивала в себе долгие годы, употребив на это всю свою железную волю. Терпение, сказала я себе. И отложив сертификат, занялась другими бумагами, мне совсем не хотелось давать дяде шанс меня обчистить.

* * *

К счастью, как я говорила, я была уже не первой, кто пришел в NASA заявить о своих правах на звезду. (Это даже сейчас звучит дико, как же это выглядело тогда?) Однако к этому дню уже была создана иерархия кабинетов, печати разного калибра и бесконечное число форм, которые необходимо было заполнить. То, что я была военным пилотом с допуском к полетам в космос, облегчало мне жизнь там, где не спасала фамилия.

Мне пришлось запихать подальше все свои амбиции и эмоции и отсидеть в различных приемных неделю своей жизни. Мне даже удалось избежать их медосмотра, необходимого для разрешения на полет, — заключение военных медиков еще чего-то да стоило.

Наконец, пожилой генерал вручил мне долгожданную лицензию на покупку корабля... и второй листок.

— А это что? — спросила я чуть более раздраженно, чем следовало.

— Это кандидатуры капитанов для вашей экспедиции.

— Я буду капитаном на своем корабле, — я почувствовала, что мои глаза сузились, как у моего прадеда в галерее «монстров».

— Вам нужен капитан с опытом межгалактических полетов. Здесь список тех, кто в данный момент на Земле и готов к полету. Проведите собеседование, наймите одного из них и тогда сможете купить корабль. Вам ясно, капитан Морган?

Военная выправка взяла верх, машинально вытянувшись в струнку, я ответила:

— Так точно, сэр.

— Идите.

Выйдя в коридор, я достала телефон, я уже знала, кого найму. Я сразу выхватила его имя из списка еще в кабинете. Ричард Белфорд, 41 год, женат, двое детей. Я всегда доверяла интуиции, и я всегда была равнодушна к этому имени — Ричард. Есть в нем что-то бесконечно надежное и благородное. Я надеялась, что моя интуиция и в этот раз меня не подведет. И не ошиблась.

Через час мы встретились с ним у площадки, на которой высились корабли. По его взгляду я поняла, что он далек от СМИ и мое лицо ему незнакомо. Ладно, это дает мне фору.

— Вам дали технические характеристики корабля, необходимые для такого перелета, мэм?

— Дали, но я сама могу выбрать корабль, — я прошла на площадку.

— Я должен одобрить ваш выбор, на документах должна стоять моя подпись.

— Вы ее поставите, — я шла, игнорируя семенящего за мной клерка.

— Привет, Джордж, — услышала я и обернулась.

— Джордж? — я смотрела на темнокожего детину.

Капитан пожал ему руку и сказал мне:

— Я летаю со своей командой. Это мой механик.

— Да неужели? Чего я еще не знаю? Кто еще полетит на моем корабле? — ядовито спросила я.

— У меня есть второй механик и пилот, — голос капитана звучал холодно и твердо.

Так, а для меня место на моем корабле осталось?

— Я — пилот на моем корабле. — Глаза мои снова угрожающе сузились.

— Вы — второй пилот в моей команде.

Я прикрыла глаза и сдержала приступ нахлынувшей ярости. Через пару секунд я обуздала захлестнувшие меня эмоции и продолжила путь. Клерк изо всех сил пытался не отстать. В другой день я бы изобразила из себя дуру и послушала бы его минут десять-пятнадцать, а потом бы задала пару «наивных» вопросов. Люблю смотреть на их реакцию. Но сегодня я была не в настроении, поэтому я просто отпихнула бедного парня и устремилась в конец площадки.

Я не видела, как проследив взглядом траекторию моего движения, капитан и механик быстро переглянулись, поставив клерка на ноги, и бросились за мной.

Я знала, что я хочу. Я всегда знала, что при первой же возможности куплю его. Вот он! Сначала я видела только бок, а теперь он стоял передо мной весь. Звездолет класса «Поллукс», этот последний, шестнадцатый. И пусть я знала, что даже из нового из него придется выкинуть половину негодных деталей и придется собственноручно перебрать двигатель, я хотела именно его.

— Вы уверены, мисс? — спросил подошедший капитан.

Не повернув головы, я протянула ему мое удостоверение.

— Капитан ВВС США Фрэнсис Морган. Уверена, сэр. Ставьте подпись, — я не могла оторвать взгляда от черной, матовой поверхности корабля.

— Фрэнсис Морган...

Я поняла, что он слышал обо мне. Интересно, что именно. Я нашла взглядом клерка.

— Я беру этот, — сказала я.

— Хотите совершить пробный полет? — заикаясь, спросил паренек.

— Я даже двигатели запускать не буду, — я подписала документы на поданном мне планшете и чек, — доставьте его в пятый док. Подпишите документы, капитан.

Капитан Белфорд усмехнулся и расписался на всех бумагах. Механик молча наблюдал за процедурой, но я знала, что они оба одобрили мой выбор. На том мы и расстались.

Вечером я пила в галерее. Похоже, это стало входить в привычку. Завтра у меня начнется новый период моей жизни. Я поднимусь на борт моего корабля.

Один мой предок, тот... Нет, вон тот... Да, черт с ним. Его сослали на каторгу за убийство. Так вот, он сбежал и переплыл на лодке океан. Да, бежал он из Австралии, а приплыл в Южную Америку, где полгода жил в святой уверенности, что он добрался до Африки. Потом-то он, конечно, перебрался в Северную Америку. Неслабый такой дядя, хоть и неграмотный. Но безграмотность не помешала ему уже в Штатах найти нефть на юге и золото на севере страны. Он и стал тем, первым Морганом. А я последняя... На мне прервется такой славный род висельников и каторжан...

Я смотрела на стену рядом с портретом отца. Место для портрета его сына. Его наследника. Я поймала себя на том, что довольно зловеще улыбаюсь своим мыслям. Здесь будет висеть мой портрет. Фрэнсис Морган. Первой из клана пересекшей космос.

Я салютнула отцу бокалом его самого дорогого виски и впервые у меня стало легко на душе.

* * *

Следующий месяц я провела в машинном отделении «Поллукса». У него было два мощнейших двигателя. Джордж Спаркс, наш бортовой механик, следил за ремонтными работами. Я мешалась у него под ногами. Он отрядил меня заниматься левым двигателем и, убедившись, что я сама, без его помощи, способна довести бригаду ремонтников до массового самоубийства, занялся правым двигателем.

Не было ни одной детали, гайки или платы, которая не прошла бы через мои руки. Рабочие не стеснялись в выражениях, глядя, как я ковыряюсь там, где только что закончили работу они. Я дотягивала не докрученные болты, ослабляла перетянутые ободы и ремни, проверяла каждую плату и каждый элемент, если плата была «дохлой».

— Пингвины безмозглые, так вас растак, — слетало с моих губ.

Я замечала всё — трещины на втулках и трубах, некачественный металл в системе охлаждения. Все снималось, заказывалось снова, тщательно проверялось, возвращалось, опять проверялось и только тогда ставилось на место.

К концу дня я валилась с ног от усталости, ночью спала как убитая, а утром была уже на месте, раньше ремонтников. Мы с Джорджем держали постоянную связь и сразу сообщали друг другу о найденных дефектах, и поэтому работа наша шла более или менее зеркально.

Через месяц такой гонки двигатели были в порядке. После пробного автономного запуска мы с наслаждением избавились от ремонтников.

Капитан курировал работу на самом корабле и проделал там уже немалый объем работ. Были проверены и отревизованы системы жизнеобеспечения, система вывода отходов. Электрика и пневматика отсеков на первой палубе. Были отлажены все люки и переборки.

Когда я разыскала Ричарда Белфорда среди рабочих, он только и бросил мне:

— Иди в рубку, там Майкл панели управления в чувство приводит.

Столько вопросов сразу! Мы уже на «ты»? Что за Майкл? И что, черт возьми, происходит на моем корабле?!

Тем не менее через несколько минут я была на месте. Западающие рычаги, недоведенные контакты, неработающие индикаторы и панели, ложные световые сигналы (красная зона вместо зеленой и наоборот), все это было нормой в сошедших с конвейера кораблях. Половина блоков и реле собирались на берегу Индийского океана, и они изначально были недееспособны.

Я обожаю такую работу. Найти неполадку и исправить ее. И, конечно, теперь я не буду по уши в машинном масле, только в мелких дырочках от сварки...

Войдя в рубку, я никого не увидела.

— Эй, — сказала я.

Кто-то выкатился на тележке из-под приборной панели слева.

— Вы кто?

— Капитан отправил к вам, — сказала я, пытаюсь разглядеть человека в защитных очках, — пришла помогать. Что вы уже сделали?

— Возьмись с этим блоком, — он показал на левое крыло огромной панели управления, — еще есть центр и та сторона, выбирайте, что больше по вкусу.

По крайней мере, мне не предложили сбегать за кофе, тебе плюс, кто бы ты ни был.

— А вы, простите, Майкл...

— Сэйнфилд. Майкл Сэйнфилд, первый пилот.

Сэйнфилд... Что-то знакомое... Да! Его же имя для межпланетников, как имя Майкла Джексона для поп-музыкантов!

— А вы? — он смотрел на меня сквозь очки для сварки.

— Фрэнсис Морган, второй пилот и владелец корабля, — люблю я обозначить свою собственность.

Он поднял очки и сел. Значит, мое имя ему тоже о чем-то говорит. Интересно, о чем. О наследстве,

о голубой моей крови или о гениальном пилоте с немного стремной репутацией...

— Капитан Морган? — переспросил он.

— Так точно.

Он встал и протянул мне руку.

— Очень рад, наконец, познакомиться. — Пожатие было сильным, но и мое оказалось нехилым. — Много о вас слышал.

— Что именно?

— Вы недавно потеряли отца.

Ага, наследство все же на первом месте.

— И вы блестящий пилот.

Пилот следом, что ж, ладно.

— Буду рад работать с вами.

Да неужели?! Цинизм и скептицизм — семейная черта, передающаяся из поколения в поколение, подкрепленная или отягощенная жизненным опытом.

— Чудно, я туда, — я махнула рукой в другой конец зала и, подхватив свой набор инструментов, проследовала на свое новое рабочее место.

Работа меня увлекла. Поломки и неполадки были на каждом шагу. За что им там вообще деньги платят? Хлипкие контакты, висящие на честном слове элементы на платах, сдохшие еще при производстве полупроводники.

Я работала и думала, что вылетим мы в лучшем случае через полгода. Но каждый день работы приближал меня к долгожданной цели.

Я по-прежнему уставала, но это не помешало мне сделать запрос в NASA и получить самые подробные на тот момент карты Южного Креста. Пара звонков, и они развернули Хаббл в нужном направлении. Да, я люблю пользоваться привилегиями, а иначе для чего все это? Весь этот путь от первого Моргана до последнего? Для того чтобы я, их потомок, не потерялась в космосе.

Южный Крест царил в моем сознании. Снимки, карты, названия. «Шкатулка с бриллиантами», Угольный мешок. Темное пятно на Млечном Пути. Пыль, поглощающая свет звезд. Это что за пыль такая?

А звезды? Бекрукс, Акрукс (их, кстати, два!), Гакрукс, Декрукс... Что за язык с такими жуткими звуками... или звукосочетаниями? Даже не знаю, как правильно это назвать... Что это? Греческий? И что за, черт возьми, экзопланета?! Метеорные потоки эти... Круциды? Да, они. Как они там идут? Или куда?..

Все эти вопросы роились у меня в голове. Мой поисковик периодически впадал в кому, но после пары крепких ударов продолжал работать, добывая из сети всю необходимую мне информацию, которую я и перерабатывала в течение следующего дня.

Работала я на корабле быстро и качественно. В перерывах на ланч мы немного разговаривали с Майклом. Так же, как и с Джорджем, это были разговоры по делу, консультации, обмен информацией о неполадках и ничего личного.

Мне не нужны мальчики со звездной болезнью. Я сама ею страдаю. Иногда я ловила себя на том, что мне его лицо странно, неуловимо знакомо. Конечно, я видела его фото в прессе, но это была знакомая мимика. Где-то я его видела живьем. Достаточно долго. Но представлены мы не были. Когда же это могло быть? У меня всегда была феноменальная память на лица и события. Но его я не помнила. Моя голова была настолько перегружена информацией, что я до поры отодвинула этот вопрос, решив, что разберусь с этим позже.

Вообще, странно, но он был мне даже приятен. Не заигрывал, не лез с помощью, с молчаливым уважением признав мой профессионализм. Я лихо управлялась с инструментами, горелками, прекрасно паяла. Словом, руки у меня работали не хуже головы. Но со всеми нашими талантами на отлаживание пульта у нас ушел еще месяц.

Когда мы встретились у главного монитора и привели его в рабочее состояние, мы ударили по рукам и доложили капитану о нашем триумфе. В ответ он тут же разогнал нас по шаттлам. Их было два. Они располагались выше двигателей и ближе к середине корабля. На